

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЕЛИКОМ ПЕВЦЕ

Среди многочисленных документальных материалов, сохранившихся на петроградском кварионе Федора Ивановича Шляпина на улице Графтио, есть такое любопытное письмо:

«Культурно-Просветительная Комиссия при Кронштадтском Отделе Всероссийского Совета Работников Водного Транспорта.

24 декабря 1918 года. Гор. Кронштадт.

Дорогой, всеми уважаемый Федор Иванович!

К Вам, как великому представителю и выразителю русского народного искусства, как к бывшему по профессии родному нам,

обращаемся мы, труженики Водного Транспорта, с призывом стать близким к нашей морской семье и по возможности быть руководителем нашей Культурно-Просветительной Комиссии, приняв на себя по единому выразительному пожеланию звание почетного председателя Культурно-Просветительной Комиссии Работников Водного Транспорта Кронштадтского района. Мы смеем надеяться, что эта просьба Вас не обременит и Вы не откажетесь от нее».

Это письмо — одно из бесчисленных и, к сожалению, до сих пор не известных широкому кругу почитателей таланта великого артиста свидетельств его тесных связей с новым рабочим зрителем в первые годы Советской власти.

В письме особенно любопытен аргумент, к которому прибегли рабочие: чтобы привлечь Шляпина, они обращаются к нему не просто как к знаменитому певцу, а как к «бывшему по профессии родному нам». В словах этих не было преувеличения: прошедший тяжкий, полный лишений трудовой путь в годы своей нищеты юности, Шляпин был и учеником сапожника, и бурлаком, и крючником на Волге — в Казани, Нижнем и Саратове.

И в начале творческого пути, и позже, уже в пору расцвета его артистического таланта, Шляпин любил встречаться с трудовым людом, особенно охотно пел для него...

...Яркие страницы биографии Шляпина связаны с самой любимой, по его собственному свидетельству, русской народной песней — знаменитой «песней рабочей артели» «Дубинушка».

«Первое сильное ощущение нарастающей революции, — писал Шляпин, — испытал я весной 1905 года в Киеве, где случай столкнул меня непосредственно с рабочими массами. Тогда же я совершил «грех», который долгое время не могли простить мне хранители устоев и блюстители порядка.

В Киеве в первый раз публично в концерте я спел известную рабочую песню — «Дубинушка».

Обстоятельства этого концерта весьма необычны. Разрешение на него было получено с огромным трудом, так как след за артистом, совершавшим турне по южным городам России, следовал секретный циркуляр департамента полиции, предписывавший обратить особое внимание на выступления Шляпина, ибо, по мнению властей, основной целью его поездки являются не концерты, а... политические выступления, направленные против самодержавия...

В Киеве Шляпин снял помещение цирка и 4.000 билетов из 4.500 отдал для рабочих — «пустить разыграют их в лотерею на фабриках и заводах». Конечно, и четырех тысяч билетов не хватило. Люди стояли в проходах, сидели на ступеньках. Восторженной овацией встретили рабочие любимого артиста. Пел он много, очень охотно. Но вот прозвучал знакомый мотив... «Эй, дубинушка, ухнем!» — подхватили 5.000 голосов и я... отделился от земли, — вспоминает Шляпин. — Я не знаю, что звучало в этой песне — революция или пламенный призыв к бодрости, прославлению труда, человеческого счастья и свободы. Не знаю. Я в экстазе только пел... Так из гнезда вылетает могучая, сильная белая птица и летит высоко за облака... Много лет прошло с тех пор, а этот вечер я запомнил на всю жизнь».

Правда, для самого Шляпина концерт чуть ли не окончился Сибирью: полиция возбудила «дело о киевском концерте» Шляпина. Причина была в том, как выяснилось только теперь, когда подняты киевские архивы, что весь сбор с концерта поступил в кассу социал-демократической партии большевиков. Лишь с огромным трудом избежал Шляпин неприятностей.

В грозные дни первой русской революции во многих городах России Шляпин дал десятки бесплатных концертов для рабочих. И всегда он особенно охотно пел «Дубинушку», ставя, однако, как сам вспоминал, одно условие: чтобы ему подпевали припев... Спел он «Дубинушку» и в самый разгар революции — 26 ноября 1905 года — со сцены Большого театра. Управляющий императорскими театрами В. А. Теляковский вспоминает, что государь, оказывается, «был очень возмущен поступком Шляпина и спросил министра:

— Как, неужели до сих пор не уволили Шляпина?»

Опять дело «запахло» крупными неприятностями для артиста. И не-легко было добиться, чтобы «пре-ступление» Шляпина было ему про-щено.

На всю жизнь «Дубинушка» оста-лась одним из любимейших концерт-

Ф. И. Шляпин. 1900 г.

ных номеров артиста. Пел он ее неоднократно, пел страстно и вдохновенно. Однажды на вечере, устроенном в честь делегатов I Конгресса III Коммунистического Интернационала в Колонном зале Дома союзов, присутствовал В. И. Ленин и вместе с остальными его участниками подпевал за Шляпиным «Дубинушку»...

...Особенно окрепла тесная связь Шляпина с рабочим зрителем после Октябрьской революции. В те годы проходили уже не десятки — сотни выступлений, часто безвозмездных, перед новым зрителем, жадно рванувшимся к искусству... С ноября 1918 года по распоряжению наркома просвещения А. В. Луначарского треть билетов на спектакли Шляпина в Мариинском театре (а пел он в то время, как никогда раньше, чуть не каждый день...) распределялась бесплатно среди рабочих крупнейших заводов, учащих, красноармейцев и матросов. Стремясь расширить контакты с рабочей аудиторией, принимавшей выступления Шляпина с неописуемым энтузиазмом, артист охотно участвовал и в первых «целевых спектаклях».

В 1919 году один из петроградских театральных журналов сообщал, что «все назначенные до окончания сезона в Мариинском театре спектакли с участием Шляпина представлены для рабочих и профессиональных организаций... Билеты на эти спектакли в общую продажу не поступают...»

Шляпин много и охотно пел и для участников съездов и собраний молодых профессиональных союзов. Так, сохранились интересные документы об одном из таких выступлений, когда шла опера Римского-Корсакова «Псковитянка» для участников совещания членов союза металлистов.

В петроградском архиве, любовно собранном погибшим в блокадном Ленинграде большим другом и секретарем Шляпина, артистом и режиссером Кировского театра И. Г. Дворищиным, сохранилось множество документальных свидетельств бескорыстной, поистине подвижнической деятельности великого певца, его тесных связей с рабочей аудиторией. Вот одно из них:

«Комиссариат социального обеспечения приносит Вам, Федор Иванович, свою искреннюю благодарность за Ваше любезное участие в спектакле «Юдифь» (22 октября 1918 года, весь сбор — почти 21,5 тысячи рублей и личный гонорар Шляпина — 7.000 был передан в пользу детей Комиссариата).

Таких писем в архиве десятки...

И в заключение еще один красноречивый документ, занимающий в наследии певца совершенно особое место... В 1920 году А. М. Горький привел Шляпина на съезд профсоюза рабочих фарфоро-фаянсовой промышленности (за два года до этого Шляпин и Горький впервые участвовали в работе съезда этого союза). И Шляпин выступил там, но в совершенно необычном «амплуа»: он произнес речь.

«Дорогие, уважаемые товарищи, я выступаю в качестве оратора, это, вероятно, для вас удивительно, для меня это непостижимо. Я говорить умею плохо, больше в жизни пел, чем говорил, но постараюсь все-таки сказать вам о моих чувствах».

И далее Шляпин вспоминает о своем прошлом приезде к делегатам съезда: «Это был чудеснейший день, на улицах, правда, было пасмурно, но в наших душах было светло и весело. Мы много пели и читали. Теперь прошло вот уже два года, сегодня и погода благоприятствует, и лица у всех, как я вижу, гораздо веселее, чем тогда. Что же за свет воцарился в наших душах? Вероятно, это сознание того, что трудящиеся люди собрались, объединившись вместе для настоящего труда».

«Товарищи, — продолжал Шляпин, — я и Алексей Максимович, мы, конечно, сейчас для всякого постороннего взгляда пожинаем лавры и цветы, но верьте, друзья мои, что эти лавры и цветы достались нам страшно тяжелым трудом, ибо без труда ничего нельзя сделать на свете хорошего, такого, которое вело бы к благополучию.

Товарищи, мы живем в тяжелое время и единственная надежда наша — на наш труд, каков бы он ни был. Вот почему я счастлив через два года снова быть с рабочими людьми вместе, потому что знаю, что такое труд. Я буду кратким, потому что мне сегодня нужно петь еще спектакль, боюсь охрипнуть, просто в заключение скажу: «Да здравствует величайшее оружие в жизни человека — труд, и да здравствуют его представители, с которыми я имею счастье жить на этом свете».

Е. ДЕМБОВИЧ